

РЕЦЕНЗИИ

ПУСТЬ ГОВОРЯТ (ЗАМЕТКИ АНТИПОДА)

**Калле Каспер. Кто бы их заставил замолчать: Литературные эссе и заметки.
М.: Флоберיום/Rugram, 2023. 302 с.**

Начну с начала, с названия то есть. Не потому, что я так же нетороплив и обстоятелен, как эстонский писатель и публицист Калле Каспер, — могу с середины или с конца, — но тут споткнулся уже на заглавии. «Кто бы их заставил замолчать» прозвана книга литературных эссе моего доброго приятеля, коллеги (в прошлом сокурсника по Высшим сценарным курсам), вышедшая в московском издательстве «Флоберיום», и некая двусмысленность заглавия объясняется в аннотации аллюзией на известную строку Анны Ахматовой «Но Боже, как их замолчать заставить!». То есть в понимании Каспера авторы, к творчеству которых он обращается, обладают такой силой таланта и влияния на умы, что их диалогу с современным читателем ничто не может препятствовать. Хорошо. Читаю список этих авторов — от Шекспира до Бальзака, Золя, Пушкина, Достоевского, Бунина и дальше к современным — и готов согласиться, по крайней мере, с перечисленными именами, но не со всеми, кого в книге встречаю, а выбранная автором фраза в качестве заглавия к сборнику по ходу чтения обретает иной смысл. Собственно, именно этот иной смысл, помнится, и вкладывала Ахматова в стихотворение: «Я научила женщин говорить, но боже, как их замолчать заставить!» Есть в книге Каспера заметки о творчестве чилийской писательницы Изабель Альенде (не ведал о такой) под тем же окончательным дезориентирующим нас названием «Кто бы их заставил замолчать» (тут подходит «хорошо бы им замолчать»). Эти заметки касаются не только Альенде, подражающей Гарсия Маркесу, но и наводнившей культурное пространство дамской литературы, пронесшейся по книжному рынку, как смерч, стихийное бедствие, и заставившей автора с тоской вспомнить благостные времена, когда творили единичные Жорж Санд, Джейн Остин, Вирджинии Вульф, Симоны де Бовуар... (Подозреваю, что и в те времена активно строчили как менее известные, так и вовсе не известные нам дамы, хотя соглашусь с автором, не в таком количестве.)

«На какой край света ни посмотри, — пишет Каспер, — везде увидишь прелестниц, склонившихся над клавиатурой. Они заполонили все жанры...» Что ж, в этом прав автор. Достаточно взглянуть на сегодняшние полки книжных магазинов и библиотек, где дамы окончательно вытеснили мужчин, где душа радостно подпрыгивает при встрече с соратником по полу (как на полках, так и живьем). Дальше, ничуть не боясь обвинения в сексизме, Каспер замечает, что женщина не может выскочить из своей сущности, хотя и очень старается выглядеть бесполой, и если мужчина создает литературу общечеловеческую, то женщина, за редким исключением, повторяет то, что он до нее придумал, добавляя туда нечто специфически женское: «Так же, как мужчина утомленно ждет в фойе универсама спутницу, забывшуюся в отделе верхней одежды, так же им овладевает тоска, когда ему доводится читать длинные обзоры модных пальто, платьев, шляп и белья в написанных женщинами романах...» Читая эти строки, я одновременно соглашаюсь и не соглашаюсь с автором, зная доподлинно, что среди современных, например, европейских писательниц, которые его мало интересуют, есть весьма достойные. Среди русских тоже. Хотя макулатуры гораздо больше, ибо что покупают, то и издают. Но лично у меня тоски от чтения Пруста возникает

ет куда больше, чем от романов Патриции Хайсмит или Эльфриды Елинек. И потом, не отсылать же мне моего непримиримого друга к творчеству его же замечательной супруги, ныне, увы, покойной, Гоар Маркосян-Каспер, писательницы талантливой, скажем прямо, с мужским умом и логикой. Впрочем, хорошо ли это, женщина с мужским умом... Короче, будем воспринимать автора в тех пределах, какие он сам для себя очертил. Важно, что он в своих размышлениях предельно откровенен, последователен, местами очень убедителен и даже парадоксален, — в этом, с моей точки зрения, несомненное достоинство книги: во-первых, обожаю парадоксы, а во-вторых, нет ничего скучнее(для меня) научных монографий со множеством сносок, вымученных докторами филологических наук. Каспер не доктор, даже не кандидат, посему, не скованный академическими традициями, вольно, остроумно и небезосновательно объясняет психологическую основу дамского литературного феномена: мужчина и в жизни, и в искусстве первооткрыватель, а задача женщины — «свить гнездо» там, где уже все открыто. Иначе говоря, в имитации женщине нет равных... Соглашусь с ним или нет (то и дело качаю головой то справа налево, то сверху вниз), получаю от чтения хороший заряд — это в шаблонном литературоведении называется доверительной беседой с читателем. Смотрите. Когда нынче перехваливают советское среднее образование, называя его лучшим в мире, я не соглашаюсь, потому что вспоминаю, как учителя литературы по всей стране, что в городских, что в сельских школах, разжевывали законсервированные литературные образы, всех этих «лишних людей», «цельных натур», «пламенных борцов», «лучей света» и «жертв царизма», спущенные по разнарядке Министерством просвещения, вкладывали сию кашу в рот ученикам с тем, чтобы те, проглотив заплесневелый стандарт, выдали его на следующий день, выйдя к доске и ничего к тому не добавляя. А еще писали сочинения на «свободную тему». Отличники были лучшими роботами в классе, из них получались хорошие комсомольские и партийные вожаки, а позже — предприниматели.

Вернемся к дилемме Каспера, кого же все-таки невозможно заставить замолчать, ибо слишком велик, а кого завтра не услышишь, ибо забудут? Должно быть, заглавие книги задумано в обоих смыслах. Если так, то не лучше ли было обыграть цитату из Ахматовой, построив сборник определенным образом, разбив его на главы, например: эти будут услышаны во все времена, а этих быстро забудут?.. Проще простого. Разбить книгу на разделы, демонстрирующие смысловую разницу в случае с разными писателями и временами... Иначе разноречивой. Под одной обложкой нашли место подробнейший анализ Шекспира, Джойса, Пруста, Сартра и там же, без предуведомлений, — откровенно слабого, если верить Касперу, магического романа упомянутой Изабель Альенде, дальше — романов Константина Симонова, Александра Грина, некоего неизвестного мне отечественного поэта, почти некролог, посвященный эстонскому классику, заметки о русском стихосложении и ни с того ни сего анализ творчества американского фантаста Айзека Азимова?.. Обзоры сами по себе интересные, живые, но почему эти, а не другие, что их всех связывает? Оно конечно, связь всегда можно найти... И тут меня осеняет догадка. Я ведь тоже бросаю на досуге взгляд на свои книжные полки, ищу, что перечитать. Беру, анализирую, посылаю в доброжелательные редакции (коих все меньше), после чего собираю опусы в одну книгу (только с рубриками, разделами, ибо я старый газетчик), иначе, разбросанные в периодике, они затеряются, исчезнут в просторах космоса. Ведь как просто.

В первой, наиболее интересной половине книги сразу же захватили меня заметки о творчестве «Вильяма нашего Шекспира». Так шутливо, отсылая нас к фразе из известной кинокомедии, начинает автор обзор пьес английского драматурга, беря каждый раз его фамилию в кавычки, ибо никто не знает, кто был человек, которого мы

называем Шекспиром. О каждой пьесе разговор отдельный, для чего автору понадобилось перечитать все десять с лишним шекспировских томов, купленных некогда на книжной ярмарке в Москве. Луи Арагон, помнится, в одной своей новелле рассказывал о человеке, который перетаскивает с места на место 13 томов Шекспира, не читая, но храня в них полученные письма согласно тематике пьес, то есть любовные — в «Ромео и «Джульетте», ревностные — в «Отелло», тревожные — в «Буре» и так далее. Типичный, в меру образованный персонаж, который с интеллектуальным багажом расставаться не желает, не может, но и сильно погружаться в него недосуг. Похож на вашего покорного слугу, имеющего дома всего Шекспира во всевозможных переводах, иногда перечитывающего «Гамлета» и еще две-три вещи, но не более того, хоть и упомянут бедолага в электронной энциклопедии «Мир Шекспира»; все пьесы английского драматурга вряд ли когда-нибудь одолею, поелику это, согласитесь, занятие не самое увлекательное: драматургию лучше смотреть или слушать. Каспер же, будто ему (вашему покорному слуге) в упрек, заявляет, что с удовольствием перечитывает всего Шекспира каждые пять-шесть лет. Ну и ну! Времени у моего дорогого коллеги, должно быть, воз и маленькая тележка!..

Начинается обзор творчества драматурга с ранней его пьесы, с «Ричарда Третьего», а заканчивается гениальным «Гамлетом». Посередине — «Отелло», «Кориолан», «Буря», «Сон в летнюю ночь», «Антоний и Клеопатра», «Тимон Афинский» (к которому я, признаться, даже не приступал) и многое другое, во что тоже недосуг было погружаться. Однако заметки Каспера о великом драматурге читаю охотно, размышления его открыты, доверительны, увлекательны. Шекспир мне открывается. Читаю и в некоторых местах улыбаюсь, даже, представьте, мысленно аплодирую. Вот в таких: «В чем главное преступление Макбета (сценического), как вы думаете? По мне, так в том, что он нарушил законы гостеприимства. Где угодно убил бы Дункана — не такая беда, но у себя дома — это, извините, скотство. Не зря леди, когда злодеяние обнаруживается, первым делом кричит: „Как! В нашем доме!“ То есть даже она, дура, понимает, что это слабый пункт в их заговоре...» Не правда ли, редкая непринужденность? Будто не серьезный, веками изучаемый предмет вновь рассматривает, а ведет свойскую беседу за столиком в кафе. Автор, некогда выпускник не абы какого, Тартуского университета, сознательно избегает академического литературоведения, адресуясь к читателю современному и, почему нет, молодому. Таков ведь еще и ставший привычным стиль общения в соцсетях... Как вам, к примеру, такой пассаж, перечисление персонажей «Гамлета»: Лицемер Клавдий; по-женски слабая Гертруда; маразматик Полоний; его сын — «честный малый», но дуралей Лаэрт; несчастная и очаровательная глупышка Офелия; мерзкие стукачи Гильденстерн и Розенкранц, не случайно превращенные в «настоящих» героев таким же мерзким XX веком (увидел бы «Шекспир» пьесу, где им отданы первые роли, перевернулся бы в гробу!); недалекий верный друг Гораций... Нигде больше «Шекспир» ничего близкого к этой плеяде героев не создал.

Не раз и не два становится ясно: не любит Каспер наше время, хотя и говорит простым и понятным сегодняшним языком. Некий максимализм видится в иных его выводах и оценках. Ну вот, скажем: «Советская власть лишила нас классического образования, вместо древнегреческого и латыни, мы вынуждены были зубрить никому, кроме деловых людей, не нужный английский. О, я представляю себе, как Шатобриан издевался бы над нашим веком!» Это из эссе о Шатобриане и Владимире Печерине, их «Замогильных записках», весьма, кстати, интересное исследование, но почему латынь важнее «ненужного» английского, не могу взять в толк. Если бы Каспер противопоставил латынь навязанным нашему поколению истории КПСС и полит-

экономии, я бы согласился, но кому помешал английский? Я как раз недоволен тем, что иностранным языкам в школах и университетах нас вяло учили, считая, по-видимому, что эти языки нам не понадобятся, да и небезопасно это: вдруг переметнемся. И разве плохо, дорогой друг, читать твоего же любимого Шекспира в оригинале?

Или почему, по какой логике, говоря о «большом романе» и его исчезновении в наши дни (интереснейшая тема), Каспер, будучи сам автором многотомной семейной саги «Буридане», упоминая щедрых на слова писателей прошлого, от Золя, Бальзака, Филиппа Эриа, Мартена дю Гара, от «Семьи Тибо» или «Саги о Форсайтах» до «Войны и мира», «Хождения по мукам», от В. Гроссмана, К. Симонова, дальше внезапно застывает, как перед пропастью, потому что после них, по его мнению, никого нет, «большой роман» приказал долго жить. А как же Аксенов, Войнович, Солженицын, Маканин?.. В сборнике Каспера их нет (возможно, их не было в домашней библиотеке автора — шучу). Но расцвет жанра Каспер объясняет в большинстве случаев материальным благополучием авторов, которые могли годами писать толстые тома, не заботясь о хлебе насущном, а исчезновение «большого романа», в общем и целом, — бездуховность новых времен. Правда, в начале статьи мелькнуло слово «усидчивость», мелькнуло и пропало, а напрасно: на нем надо бы остановиться подробнее. Прав Каспер, считая, что большой роман — это большой труд, в том числе труд исторический. Прав и опять же не совсем прав, ибо новеллистика — труд не меньший, это я вам как новеллист говорю. Попробуй придумать каждый раз новый, интересный сюжет с неожиданным финалом да с живыми персонажами. Надо ли напоминать, что не писали больших романов Чехов, Бунин, О. Генри... Недавно пытался перечитать Бальзака — на две-три страницы описание комнаты, листаю дальше, что же дальше, не томи?.. То же самое с Прустом, нервы для них нужны; если бы я, не приведи господь, был прикован к постели, я бы все это читал и на меня, возможно, снизошла бы некая благодать, но я спешу жить, а жизнь коротка. При этом, не могу не заметить, толстые романы Жозе Сарاماго читаю с удовольствием, несмотря на сплошной текст и полное отсутствие диалогов.

Да ведь и сам Каспер с восторгом отзывается о новеллах Мопассана, обстоятельно их смакуя. Попутно в своей безапелляционной манере заявляет, что не французская литература — часть мировой, а, наоборот, мировая часть французской. Люблю Францию, и мне по сердцу бесшабашная позиция эстонца. Категорически не согласен, но по сердцу. А вот по поводу персонажей Константина Симонова не так уж по сердцу, однако согласен: «Долг для них — главное, и они его выполняют, как могут. Что ж, прекрасно. Но разве не бывает между героями противоречий? У Симонова — нет, только мелкие дрязги, а по существу — отсутствуют. Все одинаковые, верные советские люди. Что ж, опять — может, так и было. Может, сумели воспитать такое поколение, фанатичное, посвятившее себя делу коммунизма. Только страшно становится от такого поколения (да и было страшно). Никаких недостатков не видят они в советской власти, она во всем права...» В. Набоков в одном интервью говорил, что советская литература напоминает ему тюремную библиотеку, где собраны, возможно, талантливые, но тщательно отобранные и приглаженные книги. Спросите: при чем здесь Набоков? А при чем здесь Симонов?..

Немало поводов для размышлений и споров собраны в книге Калле Каспера. В каждой теме доскональное, скрупулезное знание предмета. Даже в случае с выскочившим как черт из табакерки Айзеком Азимовым. От Шекспира к Азимову — невеселая наметилась эволюция. И как всегда, неприятие английского: «...у Азимова мир обязательно америкоцентричен, и английский язык — неременная *lingua franca* будущей мировой цивилизации. Как все-таки американцы наивны и самоуверенны, пря-

мо как подростки, — в сущности, по уровню развития своей истории они подростки и есть...» Бальзам на душу отечественному читателю. Нет, оно конечно, наш эстонец невероятно трудолюбив, плодовит, читабелен, никто не заставит его замолчать. И пусть. Нынче так мало хорошо говорящих. Пусть говорит!

Руслан САГАБАЛЯН